

А. И. БОГДАНОВИЧ

Критические заметки

<Рец. на сборник «Проблемы идеализма». М., 1902; фрагмент>

В самом конце прошлого года появился сборник статей нравственно-философского и социологического содержания, под общим многозначительным заглавием «Проблемы идеализма». На протяжении последних лет это уже не первая попытка так или иначе отметить то новое стремление к идеализму, которое несомненно оставляет очень и очень заметную черту в настроении современного общества. Мы не будем говорить о бледной и бедной по содержанию книге г. Волынского¹ «Борьба за идеализм», в которой было весьма мало идеализма и очень много заядлой борьбы с разными противниками этого непризнанного борца за идеализм. Но не можем не указать на статью г. Бердяева «Борьба за идеализм», появившуюся на страницах нашего журнала года два тому назад и послужившую надолго предметом злых нападок на автора и на журнал со стороны как позитивистов, так и ортодоксальных сторонников марксизма. Не меньшую затем ярость вызвала небольшая статья г. П. Б. «К вопросу о морали», затрагивающая те же вопросы главным образом с этической стороны. В сборнике мы встречаем те же имена и те же вопросы, но постановка последних и глубже, и шире. Объединенные общей умелой редакцией, вопросы и задачи идеализма в сборнике представляют своего рода «идеалистическую платформу», в которой дана как бы программа нового направления. К ней нам придется, вероятно, возвращаться не один раз, а пока мы попытаемся познакомить читателей лишь с некоторыми из затронутых в сборнике идеями, потому что охватить все богатство содержания сборника в беглой журнальной заметке невозможно.

«Особенность этого нового направления, — говорит редактор сборника г. Новгородцев, — состоит в том, что оно, являясь вы-

ражением некоторой вечной потребности духа, в то же самое время возникает в связи с глубоким процессом жизни, с общим стремлением к нравственному обновлению. Но все формы жизни представляются теперь уже не простым требованием целесообразности, а категорическим велением нравственности, которая ставит во главу угла начало безусловного значения личности». В этих словах верно указана та исходная точка современного возрождения идеализма, которая резко отличает идеалистические порывы наших дней от прежнего туманно-расплывчатого идеализма, бывшего выражением неопределенного настроения, весьма далекого от текущей действительности. Мы думаем, что самая враждебность, с которою у нас раньше встречался идеализм и отголоски которой и до сих пор слышны в спорах о нем, основана на этой отчужденности прежнего идеализма от жизни и ее злободневности. Сторонники того идеализма и сами сильно повинны в этом, так как они особенно подчеркивали свое отчуждение от практики жизни и яростно нападали на все, что казалось им профанирующим вторжением «улицы» в чистые и светлые чертоги идеализма, будь то в области искусств, или этики, или философии. Идеалист представлялся нам стоящим в стороне от яростной борьбы текущего дня, со взорами, вперенными в надзвездную высь, и презрительным равнодушием к житейской грязи, в которой так много пролито самой чистой крови. И этого мы не могли ему простить. Но вот изменилось коренным образом отношение тех сил, которые до сих пор боролись на жизненной арене. Если в прежнем идеализме было аристократическое отношение к жизни и желание найти себе уютное убежище от ее невзгод, то современный стимул к идеализму совершенно иной: страстное желание найти опору в борьбе, которая требует теперь уже иных стимулов, чем раньше. Цель борьбы не изменилась, не изменилось и отношение к ней, но изменилось нечто внутри сил, борющихся во имя этой цели.

И теперь страдание народа, благо человечества, борьба за права трудящихся масс служат центром жизни и нисколько не утратили значения для борцов. Но современный деятель иначе понимает и борьбу за них, и свое отношение к ней. Он уже не может действовать во имя ее, побуждаемый только одним стимулом — отдать долг народу. Прежде личность, втиснутая в рамки долга народу, искажалась в самом существе своем и гибла, не выполнив всего того, что в возможности заключалось в ней, отчего не менее страдал и самый долг народу. Современный деятель, вступая на тот же путь борьбы, влечется в эту стору, прежде всего, всеобъемлющим нравственным сознанием,

что иначе он не может жить, так как все стороны его нравственной личности не могут быть удовлетворены, пока не будут осуществлены те новые высшие формы жизни, которые сливаются с его идеалом, подсказаны им и в нем находят свое оправдание. Только при таком условии его цельность, как законченной личности, получает в его глазах высшую ценность, во имя которой он вступает в борьбу.

Изменилось и еще нечто очень важное. По мере выступления на арену борьбы широких слоев, по мере того, как движение захватывает более широкие круги общества и народа, все больше начинает ощущаться недостаточность сухих формул, сводящих все, так сказать, к частичным завоеваниям завтрашнего дня. Чувствуется потребность широкой перспективы, веры в нечто выше и дальше лежащее, чем вопросы о заработной плате, о страховании от болезни и старости и пр. В свое время марксизм порешил окончательно с социальным утопизмом, и это было огромным шагом вперед, приведшим к блестящим завоеваниям в области практических задач и создавшим огромное общественное движение, влияние которого сказывается на всех областях жизни. Но затем отсутствие утопического элемента и практицизм, если можно так выразиться, начали подрывать самое движение, как бы потерявшее душу, и отсюда то возрождение идеализма, стремление к высшим нравственным задачам. «Речь идет не о том, — как говорит г. Булгаков в первой статье сборника «Основные проблемы теории прогресса», чтобы уступить или понизить хотя одно из практических требований современного социального движения, а о том, чтобы возратить ему нравственную силу и религиозный энтузиазм, поднять его на высоту нравственной задачи». Для нового человека, поднимающегося на поверхность со «дна жизни» необходима твердая, как скала, вся «правда истина», которая «есть Бог свободного человека». Стремление к этому Богу и отличает новые поколения, идущие из самых глубин народной жизни, которым нужна вера, и они несут ее с собой. Таким образом, разочарование интеллигенции в позитивизме и стремление к идеализму идет навстречу течению из народной среды. Конечно, мы решаемся теперь лишь в самых общих чертах намечать это обоюдное стремление к слиянию, которое пока лишь начинается и трудно предвидеть, что оно даст в будущем.

Сборник дает много очень ценного, хотя и несколько трудно усвояемого материала для понимания того идеалистического настроения, которое все с большей силой захватывает современного человека. Начинается сборник упомянутой статьей

г. Булгакова, в которой разбирается теория прогресса и указывается необходимость существенной поправки позитивной теории прогресса. Автор исходит из положения, что «человек не может удовлетвориться одной точной наукой, какой думал ограничить его позитивизм; потребности метафизики и религии неустранимы и никогда не устранялись из жизни человека. Точное знание, метафизика и религия должны находиться в некотором гармоническом отношении между собою, установление такой гармонии и составляет задачу философии каждого времени». Теория прогресса позитивизма и стремилась «поглотить и метафизику, и религиозную веру, точнее она хочет быть триединством науки, метафизики и религиозного учения».

Как и всякая религия, по словам г. Булгакова, теория прогресса имеет и свое «верование в то, что некогда исполнятся ее чаяния, утолится религиозная жажда, осуществится религиозный идеал». Разница та, что позитивная теория прогресса «хочет вселить убеждение в несомненном наступлении этого будущего царства научным путем», и такое прозрение в будущее приписывается социологии, чем и объясняется необыкновенное значение, какое придается этой науке в XIX веке. Возражая против возможности предвидения, находя, что «всеведение не под силу человеку», автор, однако, делает необходимую оговорку, «что человечество никогда не перестанет думать о завтрашнем дне и в свои представления о нем вводит то понимание нынешнего и вчерашнего дня, которое дает социальная наука. Так же точно никто не может обойтись без того, чтобы на основании здравого смысла и научного опыта не составить себе известного суждения не только о настоящем, но и ближайшем будущем, для которого каждый из нас работает. Если называть и это предсказанием, то делать предсказания о будущем в этом смысле есть право и обязанность каждого сознательного человека».

Разбирая представления и теории о будущем прогрессе человечества, г. Булгаков к ним относится отрицательно и в заключение приходит к выводу — верить, «что наши нравственные деяния и помыслы имеют не преходящее значение». «Нужно убеждение в существовании объективного нравственного миропорядка, царства нравственных целей, в котором найдет свое место и наша скромная жизнь». Этот центральный пункт статьи, к сожалению, очень слабо обоснован, и в доказательство г. Булгаков ничего не приводит, кроме необходимости веры. Насколько он сильно и остроумно доказывает слабость позитивной веры в прогресс, настолько же он бездоказателен в этом пункте, кончая чуть не доказательствами от Писания. Не дума-

ем поэтому, чтобы положительная часть его статьи много утвердила, его читателей в вере вообще и в частности убедила их в правоте самого г. Булгакова, по мнению которого, наше участие в современной социальной борьбе «будет мотивироваться не классовым эгоистическим интересом, а явится религиозной обязанностью, абсолютным приказом нравственного закона, велением Бога».

Если научная вера в прогресс человечества, побуждающая нас работать в известном направлении с энтузиазмом и горячим желанием внести и свою лепту в общее дело совершенствования, не может быть обоснована, то и вера г. Булгакова еще менее обоснована. Он и сам признает это, говоря, что «классической формулой психологии веры в этом смысле являются слова евангельского рассказа: Верую, Господи, помоги моему неверию». Но как же быть тем, кому не дано счастье верить? А ведь в наше время (как и прежде) не мало таких. Для них научная теория прогресса во всяком случае давала и дает много благороднейших стимулов к борьбе во имя добра, в чем, между многим прочим, и заключается великое значение этой теории, так резко ниспровергаемой теперь г. Булгаковым. Не думаем, чтобы многих привлекла проповедь г. Булгакова. Мистическая окраска его идеализма *par excellence*² скорее оттолкнет их, так как слишком многое припоминается при этом в прошлом, начиная с костров инквизиции и до изгнания философов и ученых из университета за «неверие», раз они осмеливались отклониться от предписанного шаблона веры. Мистицизм г. Булгакова, его странное отношение к науке, — боимся сказать, презрительное, что очень чувствуется в его подчеркнутом противопоставлении науки и веры, — его проповедь о необходимости страдания для нравственного совершенствования («Страдание необходимо для человека. «Крест» — есть символ страдания и освящения»), все это так странно звучит для нас, людей XX-го века, и невольно вызывает реминисценции далекого, казалось бы, навеки похороненного прошлого. Правда, он то и дело оговаривается, что ни от чего не отказывается, что «позитивная наука имеет совершенно определенное и притом огромное значение, она есть в настоящее время, можно сказать, *sine qua*³ нравственного деяния». И тут же подчинение науки вере, бессилие науки и проч... Мы себе представляем, что обе эти области должны быть вполне самостоятельны, и современный идеализм не может пренебрежительно относиться к науке, подчинять ее чему бы то ни было, видеть в ней что-то вроде «служанки теологии». Всякое посягательство идеализма на науку убьет его самого в корне и

бесповоротно, так как перестать научно мыслить мы уже не можем и не хотим. Вот почему мистическая окраска всей статьи г. Булгакова (и не только этой, а всех почти его работ последнего времени; напомним его статью в «Литературном деле», о которой нам пришлось говорить в июньских «Критических заметках» прошлого года; см. также ниже «Из русских журналов») делает странным появление ее в настоящем сборнике. Не столько содержанием, сколько «настроением» эта статья резко выделяется среди остальных. Мы бы меньше удивились, встретив ее на страницах «Нового пути», рядом с «глаголами» гг. Мережковского, Минского⁴, Розанова, чем с теми авторами, о которых будем говорить сейчас. <...>

